

ОТЕЦ
МОЕГО
ЖЕНИХА

АЛАЙНА САЛАХ
ОЛЬГА ДЖОКЕР

Ольга Джокер
Алайна Салах
Отец моего жениха
Серия «Под запретом»

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67571351
Алайна Салах Отец моего жениха:

Аннотация

Я, Юля Живцова, вытянула счастливый билет – через три месяца выхожу замуж за самого популярного парня нашего университета Дмитрия Молотова. Он любит меня, я люблю его. Разве может что-либо омрачить наше безоблачное счастье? Оказалось, что может. Ведь в комплект предстоящего замужества входит прилет грозного Диминого отца, видного бизнесмена из Лондона, для знакомства с невестой сына. На время его визита нам предстоит жить под одной крышей, и это катастрофа, потому что помимо того, что этот мужчина выглядит как бог, он не намерен давать согласие на наш брак.

Содержание

1	5
2	12
3	19
4	27
5	33
Сергей	36
6	42
7	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Алайна Салах

Отец моего жениха

Современный любовный роман, романтическая эротика

Теги: разница в возрасте, бойкая героиня, настоящий мужчина

* * *

Черт, мое платье... То, розовое, в котором я похожа на ангела. Где оно?

Перелопатив всю гардеробную, я беспомощно развожу руками и смотрю на своего парня. Нет, уже не парня. Берите выше – жениха. Ведь неделю назад Молотов Дмитрий, влажная мечта женской половины экономического факультета и по совместительству тот, с кем я, Юлия Живцова, счастливо встречаюсь вот уже четыре месяца, под мелодичное завывание Федюка сделал мне предложение в самом гламурном ресторане Москвы. Теперь на моем пальце красуется увесистый бриллиант, а на лице – счастливая улыбка, которую не под силу стереть завистливым взглядам одноклассниц и злым языкам, судачащим, что я встречаюсь с Димой из-за состояния его отца. Словно любви достойны лишь те, у кого денег хватает ровно на свиданку с крылышками из KFC.

– Ты во всем выглядишь как ангел, знаешь ведь? – стоящий в дверях гардеробной Дима одаривает меня задорной белозубой улыбкой и кивает в тряпичную гору у меня под ногами. – Чем плохо то голубое?

– Тем, что я твоему папе в нем не понравлюсь, – от расстройства я начинаю по-детски топтать ногами. – У него вырез на груди слишком глубокий, и он может подумать, что я развязная.

Вот оно, нервное облачко на небосводе моей предсвадебной эйфории: недельный визит Сергея Георгиевича Молотова, крупного лондонского бизнесмена, прилетающего в Москву с целью познакомиться с невестой сына. То есть со мной. Было бы у меня опыта в подобных делах больше, я бы, может, не так нервничала, а так ведь в первый раз замуж собираюсь.

В общем, Димин папа – мужчина серьезный, а потому мне просто необходимо ангельское платье, чтобы при виде меня в нем он растаял и сию минуту дал свое олигархическое согласие на наш брак. Через день после того, как Дима сделал мне предложение, я переехала в семейное гнездо Молотовых – двухэтажный дом в Барвихе, где он проживает один и где ожидаемо остановится Молотов-старший. Лучше бы мне на это время вернуться в свою съемную однушку, вот только проныра-риелтор ее уже сдала.

– Похоже, оставила его в квартире, и теперь в нем разгуливает какая-нибудь студентка из Одинцово, – смиряюсь с потерей своего счастливого наряда. – Ладно, надену голубое.

Димка подходит ко мне и ласково щелкает губами по носу:

– Не бойсь, зайчик. Папе ты понравилась. Ты же у меня красавица.

Сама знаю, что красавица, но, думаю, обеспеченный холостяк Молотов на своем веку красавиц перевидал немало и выразительными зелеными глазами его точно не удивить. К тому же для любящего отца внешность будущей снохи – де-

ло второстепенное. Главное – уверенность в прочности будущего союза.

Скинув с себя вафельный икеевский халат, я влетаю в голубое платье, по крою напоминающее бадминтонный воланчик, и старательно подтягиваю лиф вверх. И пусть в груди у меня не пышная четверка, но поприжать есть чего, и Молотову-старшему это «чего» видеть необязательно.

Распихав по полкам все свои гардеробные богатства, я быстро поправляю покрывало на нашей с Димой кровати и критично оглядываю комнату. Ровно неделю я потратила на то, чтобы руками студентки четвертого курса эконома вычистить эту люксовую холостяцкую конюшню от пыли, пустых банок колы и грязных носков. Четыреста пятьдесят квадратов – это вам не однушка в Марьино.

Заглядываю в зеркало и, убедившись, что по-прежнему мила и очаровательна, спускаюсь на кухню, где Дима увлеченно смотрит футбольный матч.

– Может, зря мы не поехали встречать твоего отца в аэропорт? Ему было бы приятно.

– Папа не любит всех этих условностей, – отмахивается Дима, делая глоток ненавистой мне с недавних пор Кока-Колы. – К тому же он всегда критикует, как я езжу, так что пусть его ворчание терпит таксист.

Я, конечно, с таким подходом в корне не согласна, но в детско-родительские отношения между мужчинами Молотовыми решаю не лезть. Мне еще только предстоит завоевать

свое место в этой семье, поэтому на первых порах стоит быть скромнее.

– Твой папа точно любит курицу? – потянув ручку духовки, оглядываю подрумяненную тушку, запеченную по бабушкиному рецепту. С яблоками и черносливом.

– Ага, – рассеянно отзывается Дима. – Перестань суетиться, зайчик, папа вообще не привередлив.

И правда. Надо перестать так нервничать.

Я опускаюсь на противоположный стул и наливаю в стакан охлажденную Перье.

– А он совсем не общается с твоей мамой? Даже когда бывает в Москве?

– Не-а. Они не слишком ладят.

Родители Димы поженились, когда им было по восемнадцать, и, судя по тому, что Снежана Борисовна недавно праздновала свое тридцатидевятилетие, это был брак по классическому залету. С мамой Димы у нас, кстати, хорошие отношения, хотя меня и немного смущает то, что она просит называть ее просто Снежкой и регулярно делится своими амурными похождениями. Все-таки регулярность половых сношений будущей свекрови – немного лишняя для меня информация.

Я успеваю осушить половину стакана минеральной воды, когда из окон доносится приглушенное урчание автомобильного двигателя, означающее, что Сергей Молотов успешно добрался до семейного гнезда.

– Приехал, – бодро восклицает поднявшийся со стула Дима. – Ну что, зайка, готова к встрече с будущим свекром?

С колотящимся сердцем я быстро поправляю волосы и натягиваю на лицо свою лучшую улыбку, против которой не устоял даже вредный препод по макроэкономике.

– Готова. Молотов-старший обязан меня полюбить. Железно.

Пока мы с Димкой наперегонки выбегаем из кухни, из прихожей уже доносится стук открывшейся двери. Интересно, его отец будет против, если я стану называть его дядей Сережей? Сразу «папой» это, наверное, слишком?

– Привет, пап, – вырвавшийся вперед Дима крепко обнимает вошедшего мужчину, закрывая его собой, и все, что я успеваю заметить, – это густые темные волосы и широкую ладонь, приветственно стукнувшую его по спине. После коротких секундных объятий Дима отстраняется и с улыбкой поворачивается ко мне:

– Знакомься, это моя Юля, пап.

Все заготовленные слова приветствия моментально вылетают у меня из головы, когда я встречаюсь глазами с Молотовым-старшим.

Это что, отец моего Димы? Какой, к черту, дядя Сережа? Сергей Шнуров – это дядя Сережа. А это потерянный брат Ника Бейтмана и Давида Ганди. Разве мужчины под сорок не должны выглядеть толстыми и старыми? Откуда эти широкие плечи и синий, пробирающий до костей взгляд? И по-

чему рубашка на нем сидит едва ли не лучше, чем на Диме, а Дима, между прочим, четыре раза в неделю посещает спортзал!

Эй, Живцова. Окстись. Если молчание затянется еще на пару секунд, Сергей Бейтманович Ганди подумает, что невеста его сына отстает в умственном развитии.

– Здравствуйте, Сергей... э-э-э... Георгиевич, – надавав себе мысленных оплеух, бодро протягиваю руку мужчине, не забывая одарить его той самой улыбкой. – Как добрались?

– Неплохо, – он цепко оглядывает мое лицо, и я невольно сглатываю от звука его густого баритона, пропитанного льдом. Блин, кажется, я ему не нравлюсь. Все же надо было разыскать то розовое платье. Ох, это плохо, плохо, плохо.

– Пап, Юля приготовила курицу, – с гордостью объявляет Дима, словно говорит не о курице, а о защите докторской. – Ты, наверное, проголодался.

Прихожая оглашается грохотом брошенной на пол сумки, которую Молотов-старший все это время сжимал в руке, а сам он, минуя застывшую меня, направляется в сторону кухни. Не снимая обуви. По отмытым мной и мистером Пропером полам.

– Спасибо, сын, – звучит удаляющийся голос, – но ты же знаешь, что я терпеть не могу курицу. Давайте-ка вы с твоей девушкой соберетесь, и поедем на Дмитровку поедем что-нибудь нормальное.

Терпеть не может курицу? Поедим что-нибудь нормаль-

ное? Да что я вообще успела сделать не так?

2

Сергей

Я люблю сына, но иногда жалею, что проспонсировал его поступление в МГУ, а не послал отращивать яйца в армию. Сидел бы сейчас спокойно в лондонском ресторане и заключал сделку с австралийцами. Многомиллионную, между прочим, сделку. А вместо этого буду протирать брюки от Canali в ресторане московском и выводить охотницу за моими фунтами на чистую воду. Дослужился до звания сваха наоборот. Кто бы мог подумать, что в мои почти сорок такой хреню придется заниматься?

Так ведь кроме меня больше некому. Помощникам, водителям и секретарям отцовские обязанности не доверишь. На пустоголовую Снежану рассчитывать не приходится: она дальше своих силиконовых имплантатов и бутиков на Третьяковке ничего не видит.

– Три машины в гараже стоят, Дима, – с раздражением оглядываю продольную царапину на крыле Range Rover. – Тебе мало? Непременно нужно было на моей кататься?

– Пап, ладно тебе, – беспечно отмахивается сын. Он всегда беспечно отмахивается, потому что жизнь у него такая. Беспечная. – Отгоним в ателье на Сретенке, заполируют. У тебя багажник вместительный, а я Юле вещи помогал пере-

ВОЗИТЬ.

Значит, помимо сорванной сделки с австралийцами и затекших от перелета ног, я обязан этой притихшей зеленоглазой пронире еще и царапиной на крыле автомобиля ценой в девять миллионов. Ну и отвратительным навыкам вождения сына, конечно же, тоже обязан.

– Тогда сегодня же машину отгонишь на полировку, раз все так просто. Завтра она мне нужна.

– Сегодня не могу, пап. У меня тренировка, а потом я с парнями встречаюсь в клубе.

– Очень жаль, Дима, но придется все перенести. Машина нужна мне завтра.

Сын пытается возражать, но я уже залезаю в салон и завожу двигатель. Наверное, в том, что Дима такой инфантильный, есть и моя вина: я пахал как проклятый с восемнадцати лет, чтобы обеспечить его пукающий новорожденный зад и Снежану, а на воспитание много времени не оставалось. Да и много ли я мог дать ему в свои восемнадцать – сам был ребенком. Снежана залетела, как комар в распахнутую форточку: то есть быстро. Я и понять ничего не успел, как мне на руки агукающего пупса сунули и сказали – теперь ты муж и отец.

Мужем я продержался чуть больше одиннадцати месяцев, а вот отцом уже двадцать один год держусь. Поэтому не могу позволить сыну совершить ту же ошибку. Эту скромницу в голубом я насквозь вижу. Сидит на заднем сиденье, губы ку-

сает и глазами хлопает, прямо Настенька из сказки «Морозко». Нет, я сына не виню за то, что на ее внешность повелся. Симпатичная эта Юля, факт: лицо, фигура. Губы пухлые, явно сделанные. Грудь для ее комплекции тоже большевата – без силикона тут не обошлось, хотя она и пытается это замаскировать. Не на того напала, милая.

Юля замечает мой взгляд в зеркале заднего вида, краснеет и дергается. Хороша актриса. Я и правда немного увлекся изучением ее анатомии, но это необходимо для дела. Нужно не забыть Конникову позвонить – пусть ее биографию изучит.

– Сергей Георгиевич, вы снова к нам, – рассыпается в любезностях брюнетка-администратор ресторана «Жаровня». Он принадлежит моему другу Илье Малышеву, меня тут все знают.

– С сыном зашли перекусить. Организуй нам столик, Дина.

Юлю я нарочно игнорирую и с удовлетворением замечая, как она снова дергается. Теперь уж точно по-настоящему. Интересно, а чего она ждала? Что я ее дочерью назову и предложу оплатить свадебное путешествие?

– Пройдемте со мной, – Дина как бы невзначай скользит пальцами по моему запястью и, виляя задом, устремляется вглубь ресторана. Соблазняет меня, как сопляка. Смешно. И если меня не подводит зрение, нахлебница сейчас закатила глаза. Смеется надо мной? Да что вообще она о себе возо-

мнила?

– Как дела в универе? – спрашиваю у Димы, после того как мы по очереди называем официанту заказ.

– Отлично, пап. Юлька помогла мне с курсовой работой по менеджменту, и вот недавно с ее помощью я написал контрольную работу по экономике предприятия на отлично.

– Помогла, то есть сделала вместо тебя? – вопрос я адресую сыну, но смотрю при этом на охотницу. Та губы кусает, но взгляд не отводит. Строптивая, стало быть. Сказать бы ей, что не на того нарвалась, и таких, как она, Сергей Молотов каждый день в шредере перемалывает, так ведь не поверит.

– Юля у меня умная и отлично учится, так что все мне объяснила.

Пожалуй, что не дура. Но за этим столом есть и умнее.

– Юля, расскажи-ка мне немного о себе.

Девчонка перестает ковырять маслины в салате и, сделав удивленные глаза, смотрит на меня. Да-да, милая, готовься к первому экзамену от Сергея Молотова.

– Я приехала в Москву из Рязани, – подтверждает мои умозаключения о провинциальном происхождении охотница. – Окончила школу с отличием, занималась бальными танцами...

– Пап, – Дима со скрежетом отодвигает стул и прикладывает телефон к уху. – Я отлучусь ненадолго. Пообщайся пока с будущей золовкой.

Не золовкой, а снохой. Естественно, я его не поправляю.

В чем смысл? Моей снохой эта зеленоглазая аферистка никогда не будет. Дима уходит, и теперь мы с охотницей Юлей остаемся вдвоем.

– Продолжай, – распоряжаюсь, увлеченно нарезая стейк. Мясо у Ильи в ресторане – высший сорт.

– В 2012-м году заняла второе место в Чемпионате по бальным танцам. Ветрянкой переболела в четыре, группа крови третья положительная, люблю арт-хаусное кино и ненавижу снобов.

Я чуть стейком не давлюсь. Она язвить, что ли, пытается? Глаза от тарелки поднимаю: девчонка нос вздернула, руки на груди скрестила, так что силикон подобрался, и смотрит на меня с вызовом.

– Мой папа работает на заводе сварщиком. А мама – учителем младших классов. Это весь допрос, Сергей Георгиевич? О чем еще полюбопытствуете?

Кажется, стерва выходит из подполья. Вот и прекрасно. Чем раньше покажет свое истинное лицо, тем скорее поедет в свою Рязань на бла-бла-каре.

– Нет, Юля, – не вижу больше смысла скрывать свою неприязнь. – Не окончен. Меня интересует, как вы с моим сыном предохраняетесь.

Отодвигаю пустую тарелку и приступаю к творожному десерту – Илья все хвастал, что этот рецепт эксклюзивно из Швейцарии привез. И правда, неплохо.

– Что, простите? – возмущенно шипит девчонка. – Я со-

вершенно не обязана отвечать на подобные вопросы, тем более такие личные и интимные!

Я с нарочитой насмешкой смотрю, как ее лицо покрывается красными пятнами, и промакиваю губы салфеткой. Плохо держит удар, плохо. Думаю, уже через неделю со спокойной душой вернусь в Лондон.

– Поговорим как взрослые люди, Юля, – перехожу на деловой тон, потому что от этого детского пинг-понга меня воротит. – Первое, я против вашей свадьбы. Второе, затею случайно, – рисую в воздухе кавычки, – забеременеть можешь оставить, потому что от моих денег тебе ни рубля не достанется.

– Мне не нужны Ваши деньги, Сергей Георгиевич, – заносчиво бросает нахалка. – У меня есть свои планы на жизнь, среди которых числится карьера. И да, мы предохраняемся, – тут она начинает сладко улыбаться, да так, что я чувствую редкий прилив раздражения. – Мы с Димой не настолько легкомысленны, чтобы заводить детей, когда нам едва исполнилось восемнадцать. Ой, – фальшиво прикрывает рот рукой, – я имею в виду двадцать один.

Я на секунду дар речи теряю. Вот это стерва. Она же меня подначивает.

Ее слово оказывается последним, потому что за стол возвращается улыбающийся Дима. И словно этой маленькой победы стерве Юле было мало, она демонстративно обвивает тонкими руками шею сына, и они на моих глазах начинают

целоваться. Явно с языком. Все-таки недооценил я ее. Завтра же займусь этой дрянью вплотную.

3

Юля

– Кажется, ты понравилась папе, – весело говорит Дима, когда мы оказываемся в спасительном уединении нашей спальни, куда не могут добраться синие рентген-лучи Молотова-старшего. У меня от его взгляда подмышки потеют, а ведь не потели сроду.

– Ты шутишь, что ли, Дим? Твой отец возненавидел меня заочно.

– Ничего такого не заметил, – хмыкает мой жених, эффектно стягивая с себя футболку. Ням, конфетка. Все-таки недаром по нему половина нашего универа сохнет. – Вы вроде мило болтали.

Угу. Задержись Дима со своим телефонным разговором еще минуты на три, Мистер Олигарх принялся бы меня душить.

Стаскиваю с себя платье в сопровождении заинтересованного взгляда Димки и, швырнув его на пол, усталым мешком валюсь на кровать. Встреча с лондонским воротилой выжала из меня все соки. И ведь я ровным счетом ни в чем перед ним не провинилась. Разве справедливо заочно кого-то презирать?

– Устала, пупсик? – сочувственно улыбается Дима и гла-

дит меня по голове. — Я быстренько метнусь в душ, а потом сделаю тебе массаж.

Он закрывается в ванной, а я в течение нескольких минут гипнотизирую глазами нашу фотографию на комодике и незаметно проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь я от приятных поглаживаний по спине. Мммм. Кайф. Димка делает мне обещанный массаж. И где он так научился? Теплые руки умело мнут шейные позвонки, отмеряя каждый, надавливают на поясницу, эротично растирают ягодицы. О-о, Дима определенно знает, что делает. Внизу живота начинает кипеть, отчего я грязно постанываю и ерзаю на кровати.

Пытаюсь отвести назад руку, чтобы поблагодарить своего массажиста, но тело меня не слушается. Тогда я старательно прогибаю поясницу, так что позвоночник начинает трещать (надо бы возобновить занятия йогой), и гостеприимно раздвигаю ноги. Надеюсь, Дима намек поймет.

Прикосновения к коже становятся грубее и настойчивее и плавно сползают к внутренней стороне бедра.

— Да, да, туда... — похотливо бормочу я, кусая губы.

— Нравится, шлюшка? — звучит в ухо хриловатый баритон Молотова-старшего. — Так я и знал.

Твою же мать!

Я подпрыгиваю на кровати, как теннисный мячик, и, хлопая глазами, начинаю озира́ться. Фу-у-у-ух. Это сон. Идиотский сон. Судорожно ошупываю себя руками: майка на-

сквозь мокрая, розовые Интимиссими тоже. От пота, разумеется.

Окидываю взглядом комнату, залитую солнечным светом, смотрю на пустую подушку рядом с собой, а затем на часы. Восемь тридцать. У Димы уже началась пара, а мне сегодня ко второй.

В универ я собираюсь с особой тщательностью: во-первых, у меня сегодня зачет, во-вторых, так я буду чувствовать себя увереннее, если столкнусь с Молотовым-старшим. Влезаю в неудобную юбку-карандаш, белую блузку с воротником-стойкой и классические черные лодочки. Собираю волосы в высокий хвост и покидаю спальню в надежде, что Сергей Бейтманович уже отчалил по своим неотложным олигархическим делам.

Едва спускаюсь на кухню, чтобы выпить кофе, и в носовые пазухи затекает терпкий запах дорогого парфюма с нотками кедра и лимона и стремительно влажнеют подмышки. Надо что-то с этой гиперпотливостью делать. Ботокс, что ли, вколоть?

Мои подмышки не врут. Едва я тычу в кнопку «капучино», на кухне появляется Молотов-старший, выглядящий, словно только что вернулся со съемок рекламы: угольно-черный костюм в сочетании с белоснежной рубашкой, на руке сверкает многомиллионный будильник, а на лице – высокомерная неприязнь.

– Доброе утро, – здороваюсь первая. Кто-то же должен

быть умнее.

– Доброе, – холодно отзывается рекламная модель 30+ и, демонстративно обогнув меня, дергает ручку холодильника. Неужели решил почтить вниманием мою курицу? Видимо, нет, потому что захлопывает дверцу и покидает кухню, оставив меня наедине со своим утонченным раздражающим запахом.

Опускаюсь за стол и спешно поглощаю незатейливый завтрак – овсяные хлопья с молоком, после чего достаю телефон, чтобы вызвать такси. Ну нет в гламурной Барвихе маршруток.

– Гребаный Экибастуз! – несдержанно ругаюсь, швыряя мертвый мобильный в сумку. Видимо, Дима в очередной раз скинул мой айфон с зарядки, чтобы поставить свой.

– Что-то случилось? – слышу за спиной ледяной баритон и мысленно шлепаю себя по губам. Поганный твой язык, Живцова.

– Опаздываю на важную лекцию, а мой телефон разрядился, и я не могу вызвать такси, – стоически поворачиваюсь лицом к Молотову-старшему и заискивающе пишу: – Э-э-э... не одолжите на минутку свой мобильный?

Господи, вот это позорище.

Сергей Бейтманович пристально изучает меня глазами, вращая в руках брелок, после чего разворачивается на сто восемьдесят градусов и коротко бросает:

– Пойдем.

Дав себе несколько секунд на раздумья, я подхватываю сумку и бегу за ним на улицу. Ну чего он со мной сделает, в конце концов? Он же просто злобный олигарх, а не Чикатило.

Когда рядом с крыльцом останавливается поцарапанный Димой Range Rover и Молотов кивком головы показывает садиться, меня затопляет чувство вины. Может, не так и плох этот Бейтманович, раз решил войти в мое студенческое положение.

Руку мне, естественно, никто не подает и двери не открывает, и я самостоятельно загружаюсь на переднее сиденье. Чтобы отвлечься от гнетущей олигархической близости, по дороге делаю вид, что сосредоточенно разглядываю пейзажи, пока голову атакуют дурацкие мысли: сильные руки, массаж, шлюшка. Шлюшка, массаж, руки... Фух, скорее бы приехать.

Нервно дергаю края воротника, ощущая острую нехватку кислорода, и улавливаю на себе сканирующий синий взгляд. Эй, Молотов что, только что смотрел на мои сиськи?! Уши начинают пылать, и я нервно одергиваю юбку, а водитель тем временем невозмутимо возвращает глаза к дороге и тычет пальцем в магнитолау.

– Сколько тебе нужно? – звучит его негромкий голос.

Мне приходится отодрать взгляд от колен и вновь посмотреть на своего вкусно пахнущего соседа, чтобы понять, о чем идет речь. На переносице Сергея Бейтмановича сидят брен-

довые «авиаторы», белый воротник рубашки подчеркивает волевой подбородок, покрытый легкой щетиной, и я нервно сглатываю, проклиная себя и дурацкий сон. Еще и родинки у него на щеке такие же, как у Димы. Похожие на созвездие Малой Медведицы.

– Я дам тебе двести тысяч, чтобы ты и твои дешевые шмотки завтра же убрался из моего дома. – Автомобиль останавливается на светофоре, а Молотов приспускает очки и окатывает меня холодным взглядом. – Хочу, чтобы ты оставила моего сына в покое раз и навсегда.

Ах ты ж, козлина олигархическая! Медведица Малая, блин. А ведь почти услугами доброго таксиста мою бдительность усыпил. Что у него вместо сердца, а? Банкомат или калькулятор? Правда считает, что все в мире можно купить и продать?

– Это шутка такая, Сергей Георгиевич? – копирую его холодность. – Если да, то я с удовольствием расскажу ее Диме.

– Нет, не расскажешь, – усмехается синеглазая козлина, продолжая оценивающе смотреть на меня. – Наверняка уже распланировала, куда пристроишь деньги. Триста тысяч, Юля. Сколько тряпок на рынке в Рязани сможешь себе купить, ты только подумай.

От возмущения и злости я на секунды лишаюсь дара речи и начинаю разглядывать замершие на руле руки. Широкие смуглые ладони, длинные пальцы, извитые вены... Да гребаный ж ты Экибастуз!

– Нравятся часы? – долетает сквозь пелену моего унижения насмешливый голос. – Это винтажные «Радо», если ты не в курсе.

– У меня такие же, – огрызаюсь я и хватаюсь за ручку, потому что в этот момент машина заезжает на парковку университета. – За полторашку деревянных на Рижском отхватила.

Я вываливаюсь на улицу едва ли не на ходу с риском сломать ноги и ловлю спиной самодовольное:

– Свадьбы не будет, Юля. Это я тебе обещаю.

– Это мы еще посмотрим, – шиплю я, но Бейтманович моей угрозы уже не слышит, потому что его черная махина с визгом срывается с места, оставляя меня нюхать выхлопные газы.

В этот момент я решаю, что мистер Олигарх непременно пожалеет о своих незаслуженных оскорблениях в мой адрес. Я буду бороться за свою любовь и за право быть женой любимого парня. Точка.

На парковке меня перехватывает Светка и, брызжа слюной и восторгами, начинает вопить:

– Мать Божья, это что за сочный кекс тебя подвез? Я чуть из трусов не выпрыгнула.

– Это отец Димы. И он редкостное... – язык не поворачивается оскорбить будущего свекра, и я замолкаю.

– О-о-о, тебе ваще прет, Юль! Круто, если Димас твой будет так лет через двадцать выглядеть. А папик женат, не зна-

ешь?

Мы заходим в прохладное помещение университета, где я немного остужаю пожар внутри себя. Триста тысяч! Да за кого он меня принимает, в конце концов?

– Ты вообще слышишь меня? – спрашивает Света, толкая меня в бок.

– Угу.

– Послезавтра встречаемся в «Sisters» на дне рождения Маринки, помнишь? Платье уже подобрала?

Я рассеянно киваю, все еще витая в своих мстительных мыслях. Не на ту напал ты, дядя Сережа. Рязанцы так просто не сдаются.

4

Сергей

В клуб, куда меня пригласил Илья, я приезжаю с опозданием, потому что машину с полировки пришлось забирать самому – до Димы не дозвониться и дома поймать его невозможно. Надо бы из принципа заставить его исправлять сделанное, но приобретенный с годами перфекционизм не позволяет разъезжать на царапанном автомобиле. В Лондоне этой возней занимался бы мой водитель, а в Москве все приходится самому. Российские каникулы, черт бы их побрал.

И Юля эта настырной оказалась, зараза рязанская. Лучше бы продолжала играть роль влюбленной овечки, чем показывала свои провинциальные клыки. Ее дерзость выводит меня из себя, а таким навыком мало кто в моем окружении может похвастаться.

Территория семейных отношений сложная для меня. Рубануть бы кулаком по столу и поставить сыну ультиматум: либо он вытряхивает алчную рязаночку из моего дома, либо о наследстве может забыть. Останавливает то, что наши с Димой отношения без того далекие от близких: у него в Москве своя жизнь, у меня в Лондоне – своя. Встречи раз в три месяца тоже не способствуют укреплению семейных уз, и черт знает, как он себя поведет, если я гайки начну закру-

чивать. Сын у меня один, и терять его не хочется.

– Доброй ночи, Сергей Георгиевич, – подобострастно здоровается охранник, открывая для меня дверь с ловкостью английского швейцара. – Андрей Вячеславович просил вас проводить.

– Не надо, – машу рукой, останавливая его. – Сам.

Этот клуб принадлежит Андрею, моему однокласснику. Мы дружны со времен университета, несмотря на двухлетнюю разницу в возрасте: из-за рождения сына пришлось на пару лет распрощаться с учебой и пойти работать. Я, может, и не вернулся бы в университет, да отец настоял. И за это я ему буду вечно благодарен.

– Серега! – Илья приветственно хлопает меня по плечу и, отстранившись, окидывает оценивающим взглядом. – Не стареешь, гад, и не жиреешь. Не то что я, – весело хлопает себя по выпирающему над пряжкой ремня животу.

– Тебе по роду занятия положено, – отшучиваюсь я и жму руку поднявшемуся с дивана Андрею. – Как всегда аншлаг? – киваю в сторону кишящего людьми бара.

– Москва любит бухать и веселиться, – соглашается тот и жестом гостеприимного хозяина указывает на диваны. – Располагайся, мой друг, и расскажи нам о бытии своем лондонском.

– Тауэр на месте, королева жива, а вот корги, говорят, сдохли, – предпочитаю избегать разговоров о личном и бизнесе. Сегодня хочется отдохнуть головой и телом в компа-

нии друзей, где я просто Серега. Не Сергей Георгиевич, не мистер Молотов и не папа.

– Это Таня, – тоном веселой свахи произносит Андрей, кивая на грудастую брюнетку справа от меня. – А это Эльсина, – тычет пальцем в блондинку с надутыми губами.

Наличие женского пола на нашем импровизированном мальчишнике меня не удивляет. Длинноногие красотки младше двадцати пяти, посасывающие шампанское из бокалов, – привычный атрибут застолья, как оливки на столе. Стоят себе, места много не занимают – а вдруг кому захочется. Да и я не святой – мне всего тридцать девять, жены, ревнующей дома, у меня нет. Правда, в Лондоне есть Мадина: ей тридцать один, владелица сети салонов красоты. Красивая, нетребовательная и никогда не давала повода думать, что ей от меня нужны деньги. Как, впрочем, и отношения. Меня устраивает, а о верности речи не идет.

Еще раз оглядываю призывно улыбающиеся оливки и понимаю, что этого деликатеса мне не хочется. Ненавижу ненатуральность: силикон, инъекции в губы и эти геометрически выверенные брови. К счастью, всегда есть из чего выбирать.

– Вздогнем, – громко объявляет Илья, стучаясь со мной бокалом с виски.

Терпкий древесный вкус приятно обжигает желудок, и по венам прокатывается долгожданное расслабление. Окидываю взглядом помещение VIP-зоны и ловлю на себе хищные взгляды оливок: как блондинки, так и брюнетки. Мысленно

усмехаюсь про себя и делаю еще один глоток. Я привык к такой реакции женщин на свою персону: я по их канонам красавчик, которого и приближающиеся сорок не портят. А то, что при деньгах, они видят сразу. З, как секут. Пресловутая женская чуйка, видимо. Интуиция то есть.

– Слышал, ты дом купил в Хэмпстеде, – Илья откидывается на спинку дивана и по-хозяйски укладывает ладонь блондинке на колено. Та кокетливо дергает плечами и, не переставая на меня смотреть, отхлебывает шампанское. Ясно же, что трахать ее сегодня будет Илюха. Какой смысл улыбаться мне? Драться за нее никто не будет, и нужно быть полной душой, чтобы полагать, что кому-то в этом помещении интересен тройник.

– Еще не купил, но собираюсь, – киваю я и, осушив бокал, встаю. Похотливые взгляды оливок начинают раздражать, и мне хочется прогуляться. Слиться, так сказать, с толпой.

– Скоро вернусь, – минуя охранника у входа в ВИП-зону и иду к бару.

Может, и правда познакомиться с кем-нибудь, как в старые добрые времена. Купить выпить, поболтать, увезти в отель и потрахаться до стука кровати об стенку. Это в Лондоне постоянные разговоры, помощники, Бентли с водителем и ухоженное, знакомое в мелочах тело Мадины на шелковых простынях дизайнерской спальни. А здесь, в Москве, я просто Сергей.

Я не спеша иду к бару, останавливаясь взглядом на жен-

ских фигурах. Столица славится выбором, но все не то. Слишком вызывающее платье, слишком светлые волосы, слишком много загара, слишком... слишком... Старею, что ли? Откуда такая избирательность?

И тут... вот оно. Светло-русые волосы, ярко-красное платье, изящная спина, стройные ноги. Тонкая рука с бокалом, расслабленные движения, длинная шея. Определенно, с этим экземпляром я готов помять простыни.

Я останавливаюсь в нескольких метрах от заинтересовавшей меня особы и продолжаю наблюдать. Девушка что-то говорит подруге и тянется к барной стойке, чтобы взять сумку. Та, соскользнув, падает на пол, и она наклоняется, чтобы ее поднять. Платье оголяет ноги почти до бедер, и я чувствую, как у меня немедленно встает.

Ждать новых знаков не имеет смысла, поэтому я иду вперед с твердым намерением воплотить намеченный план в жизнь: угостить, поболтать, трахнуть.

Останавливаюсь у блондинки за спиной и ловлю на себе взгляд ее подруги, сидящей напротив: в глазах щенячий восторг, на лице румянец и улыбка. Все как всегда. Только не ты мне, милая, интересна.

– Хочу купить тебе выпить, – трогаю девушку в красном за плечо. Волнения нет, но есть забытый адреналин от этого нелепого приключения. Вдыхаю легкий лавандовый запах ее волос и снова убеждаюсь, что да, я хочу ее трахнуть. До стонов и пота. Отель здесь неподалеку. Не «Four Seasons»,

но тоже годный.

– Мне не нужна... – девушка оборачивается с явным намерением меня отшить, и мы оба замираем.

Блядь. Засмеяться, что ли, чтобы выглядеть до конца идиотом. Это ж надо так облажаться. Ну, Серега. Растерянно моргая глазами, на меня смотрит дерзкая рязаночка.

5

Юля

Пытаюсь закрыть рот и не могу. Челюсть словно заклинило. Потереть бы глаза, как в мультике, чтобы убедиться, что не сплю, но тушь размажется. Без этого понятно, что синеглазый красавчик передо мной – отец Димы.

– Здравствуйте, – с трудом шевелю губами. – Бейтман Сергеевич... Сергей Георгиевич. А вы здесь...

Так, а чего он там про выпивку говорил?

Темные брови Молотова-старшего съезжаются к переносице, на лице проступает высокомерная холодность.

– Если уж любишь таскаться по ночным клубам, Юля, – он делает короткий жест рукой, подзывая бармена, и выразительно смотрит на мой бокал с шампанским, – то пей что-нибудь нормальное, чтобы не притаскивать в мой дом запах дешевого перегара.

А пока я ловлю ртом воздух обиды и возмущения, Молотов кивком головы указывает бармену на подсвеченные неоновом полки и бросает:

– Дом, – и через несколько секунд перед нашими с Маринкой носами оказывается бутылка из темного стекла и звучит сумма, от которой встают дыбом удаленные эпилятором волосы на руках.

– Это так мило! – пищит за спиной Марина, пока Молотов прикладывает к терминалу серебристую карту.

Не было бы его рядом, пнула бы ее в коленку. Ей кажется милым, что меня только что унизили, на перспективу приписав запах дешевого перегара?

– Зря потратились, Сергей Георгиевич, – говорю холодно, – вряд ли мой крестьянский организм такое дорогое пойло усвоит.

Под раздраженным взглядом Молотова залпом осушаю свой бокал и с особым смаком вытираю ладонью губы.

– Заранее приношу извинения за перегар.

Руки покалывает мелкой дрожью, а ноги в туфлях превратились в холодец от собственной дерзости. Черт знает, на что способен олигарх в ярости. А он, похоже, в ярости, потому что даже замиксованное нытье Элджея не может заглушить скрип олигархической челюсти.

– Большое спасибо за подарок! – верещит предательница Марина. – Мы с удовольствием его выпьем. Присоединитесь к нам? Я, кстати...

– Благодарю за предложение, – говорит Молотов, тоном давая понять, что нет, ни черта он не благодарит. – Терпеть не могу шампанское, – и смотрит в этот момент, гад, прямо на меня.

– Охренеть, какой мужик, – томно выдыхает Марина, пока мы обе провожаем взглядами его удаляющуюся спину. – А задница!

Поправка. Это я провожаю спину, а Марина, очевидно, провожает то, что расположено ниже.

– Живцова...

– А?

– Я планирую стать твоей свекровью. А вам с Димасом лучше начинать подыскивать другое жилье, потому что мы с его папой собираемся спариваться как кролики.

Мы встречаемся глазами и, не выдержав, начинаем хохотать. Дура она, моя Маринка, но такая смешная.

Сергей

Детский сад, ей-богу. Расскажешь кому – засмеют. Из всех присутствующих в клубе выбрать рязаночку. Недаром не хожу в казино – рулетка не мое.

– Прогулялся? – интересуется Илья, все еще продолжающий наглаживать ногу блондинистой оливки. У меня в Лондоне приятель есть, Саджар – он также четки перебирает. Говорит, успокаивает. Может, и Илюху тоже коленка женская в руке умиротворяет.

– Оценил московский бомонд, – пожимаю плечами и, опустившись на диван, прошу официанта повторить виски. Хочется как следует залить свой промах и заодно перестать кипеть от того, что рязанка снова мне надерзила.

Я, конечно, тоже от неожиданности не самым джентльменским образом себя повел, но жалеть об этом не собираюсь. Замуж за моего сына собралась, а светить задом по ночам в клубах не завязала. Сразу Снежана вспоминается, которая полугодовалого Димку матери моей оставляла под разными предлогами и с подружками по кабакам гуляла. Вот эти две кукушки и спелись на почве своей легкомысленности. Бывшая мне сегодня все уши прожужжала о том, какое сокровище отхватил наш сын.

– Так ты от «Серпа и Молота» будешь избавляться или как? – подает голос Андрей, отрываясь от экрана мобильно-

го. – Ты помнишь, да? Я готов приобрести.

– Думаю пока, не дави.

«Серп и Молот» – сетка магазинов товаров для дачи, строительства и ремонта. Бизнес, открытый мной давно в надежде, что его возглавит повзрослевший Дима. Еще один мой прокол: сыну он оказался не интересен, и делами занимается управляющий. Черт знает, почему я до сих пор его не продал. Похоже, жду, что отпрыску надоест праздно прожигать мои деньги и у него появятся деловые амбиции.

– Димона твоего встретил у себя в ресторане, – подает голос Илья, закуривая сигару, – жениться, говорит, собрался.

Только ведь расслабился. Ну какого черта снова на большую мозоль?

– Это еще не точно, – отвечаю уклончиво. – Зеленый Димка еще, как решил, так и передумает.

– А невеста кто? – не унимается Илья. – Он вроде с дочкой Бадьянова встречался.

Бадьянов – владелец сети АЗС «Рубойол», и, несмотря на миллиарды в офшорах, этот мужик никогда мне не нравился. И дочь его тоже: пустоголовая мажорка, вечно попадающая пьяной за рулем.

– К счастью, больше не встречается.

В этот момент экран мобильного, лежащего на столе, загорается именем моего ассистента, и я, воспользовавшись возможностью завершить неприятную тему, принимаю вызов и покидаю ВИП-зону.

Закрыв вопрос, убираю телефон в карман брюк и оглядываю толпу возле бара. Вдруг подогретая алкоголем рязаночка подкинет мне порцию компромата: начнет обжиматься с каким-нибудь сопляком или устроит пляски на столе. Тогда я с чистой совестью дам пинок под ее провинциальный зад и на ультиматум сыну не поскоплюсь.

Ее ярко-красное платье я нахожу в толпе без труда. Рязаночка по-прежнему стоит у барной стойки, только теперь на месте ее подруги находится какой-то черноволосый парень. Юля, Юля. Спалилась при первой же проверке. Сфотографировать, что ли, их? Ой, да что я, сыщик? Хватит и того, что видел. Вон он как ей улыбается и за руку трогает. И так все понятно – слаба на передок рязаночка.

Собираюсь уйти, но в последний момент что-то меня удерживает. Наверное, то, как резко рязанка срывается с места, и то, что чернявый хватает за руку.

Блядь. Где у Андрея охрана?

Я стою на месте еще секунд пять, прежде чем убеждаюсь, что да, мне не показалось: рязаночка пытается чернявого मुдака отшить, а он отшиваться не хочет.

Чертыхнувшись от души, иду в сторону танцпола, а внутренний голос усмехается: «Чего, Серега, решил молодость вспомнить? Неужто драться будешь?»

Конечно, я драться не буду. Мне по статусу не положено, а девчонка сама виновата, что по клубам без сопровождения шарахается. Просто позову охрану, а пока прилипале скажу,

чтобы отвалил.

– Руку выпусти, бульдог французский, – слышу знакомый шипящий голос, вызывающий во мне новый приступ раздражения. Что за манера у этой Юли противоположный пол провоцировать?

– Я тебя просто поболтать зову, че ты ломаешься? – глумливо усмехается чернявый.

Да, без вмешательства никак.

– Девушка попросила ее отпустить, – говорю, поравнявшись с парочкой. – Или ты русского не понимаешь?

Цепкие руки – и правда не русский. Какой-нибудь Джабраил или Муса, судя по носу.

Две пары глаз устремляются на меня: одни – зеленые перепуганные, другие – темные и наглые.

– Э-э-э, а тебе больше всех надо? Я тут со своей девчонкой общаюсь.

– Руку ее отпусти, джигит, – повторяю настойчивее.

Даю Мусе или Джабраилу несколько секунд на раздумья, после чего с силой надавливаю на его запястье. Смуглая рожа кривится от боли, и рязанская кисть оказывается на свободе. Все-таки не зря я в свое время пару уроков айкидо взял.

– Пойдем, – беру Юлю под локоть. И пусть она мне не нравится, но женщин я обижать не могу позволить.

– Вы только не деритесь, пожалуйста, – бормочет она, послушно семеня за мной.

Смешная. За кого принимает меня? За сосунка, которому надо самоутвердиться при помощи кулаков?

– Никакой драки не будет, Юля. Сейчас вызовут охрану и этого идиота выведут из клуба.

– Э-э-э, – несется мне в спину. – Че, ебешь ее, дедуля?

Не знаю, что меня задевает в этой фразе: упоминание о том, что я могу трахать временную невесту сына, либо же то, что меня назвали дедулей. В голову ударяет тугая волна адреналиновой крови, и я, отпустив Юлин локоть, разворачиваюсь и коротко бью чернявого в челюсть.

Бокс дважды в неделю тоже пригодился – рухнул как подкошенный. Сегодня прямо ночь премьеры моих спортивных достижений.

Вокруг начинает собираться толпа, в числе которой, судя по характерной волосатости, прибыла группа поддержки чернявого.

– Ответишь, падла. Найду и землю жрать заставлю, – доносится гнусавый голос с пола.

Совсем молодежь с Кавказа нюх потеряла.

– Чтобы искать было легче, – вытаскиваю из бумажника визитку и швыряю ему в лицо. Давно хотел от этого бумажного атавизма избавиться. – Но я бы не советовал, если красные мокасины еще потаскать хочешь.

Он и его дружки лают в спину что-то еще, но тут рязаночка повисает на мне и перепуганно лепечет:

– Пожалуйста, Сергей Георгиевич, давайте уйдем.

– Прощайся с подружками, Юля, – распоряжаюсь раздраженно. Адреналин постепенно покидает меня, и я начинаю злиться, что повелся на провокацию, как малолетний щегол. – Хватит на сегодня приключений.

Достаю из кармана телефон, чтобы сказать Андрею, чтобы уволил к чертям свою охрану и заодно разобрался с горсткой кавказских гопников, а на плече горит прикосновение Юлиной груди. Третий размер, и на резину совсем не похоже. Тьфу, Молотов, скорее тебе надо сворачивать свои московские гастроли. Морды бьешь на танцполе, невесту сына снять пытался. Бред какой-то.

6

Сергей

– Пап, мама сегодня нас на ужин собирает. В семь встречаемся в «Парусе» на Пречистенке, – говорит Дима в трубку, и я морщусь, потому что в этот момент он начинает отчаянно кому-то сигналить, да так, что закладывает уши.

Бросаю взгляд на часы: почти пять, а мне еще в офис «Серпа и Молота» надо заехать на встречу с управляющим.

– Раньше сказать нельзя было, Дима? – Выворачиваю на Садовое и моментально втыкаюсь в многокилометровую пробку. Я уже начал забывать, какие заторы бывают в Москве.

– Из головы вылетело, пап, – беспечно отзывается сын. Я не удивлен – такая безответственность очень в его духе. К сожалению.

– А повод какой?

– Повод – наша с Юлей свадьба, пап. Мама хочет обсудить детали, гостей, дату и место проведения торжества, пока ты в России.

– Ладно, буду. – Отключаюсь и бросаю телефон на приборную панель.

Итак, в программу моих московских каникул добавился еще один неприятный пункт, включающий в себя ужин с

бывшей женой и бедовой рязанкой. На поддержку Снежаны в избавлении сына от денежной пиявки мне рассчитывать точно не приходится. Она и раньше умом не блистала, а с тех пор как увлекалась косметологией, с ней вообще разговаривать стало сложно. Будто ей мозг заморозили ударной дозой ботокса, или что она там себе колет, и теперь она реагирует лишь на слова: «ресторан», «Сейшелы» и «новая коллекция от Valentino».

Снова беру телефон и набираю номер Владимира Конникова, знакомого ФСБшника, которого два дня назад попросил собрать информацию о гражданке Живцовой Ю. В. Мы условились, что папку с делом он передаст мне через четыре дня, но ввиду ужина-сюрприза я решаю его поторопить. Хочу поскорее прекратить этот фарс и вернуться к делам в Лондоне.

– Володя, ты у себя? – уточняю после его подобострастного «алло». – В течение получаса подъеду. Папку заберу с тем, что ты успел накопать.

– Сергей Георгиевич, вы же знаете, сбор информации – процесс не быстрый. Я пока не все пробил.

– Девчонке же двадцать один всего, Володь, вряд ли дел успела натворить на трехтомник. Или успела? Хотя что-то стоящее внимания есть?

– Ну вообще-то есть.

Это я и хотел услышать.

– Буду, – резюмирую и отключаюсь.

С Владимиром мы встречаемся в нашем привычном месте: в кафе через дорогу от его офиса. Он ждет меня за угловым столиком, сложив узловатые ладони на черной папке формата А4, содержимое которой, надеюсь, прервет мой незапланированный визит в Москву и отправит рязанку если не в Рязань, то как минимум в съемную хрущевку в Южном Бутово.

После вчерашнего происшествия в клубе я еще больше уверился, что Юле в моем доме не место. По дороге в Барвиху она пыталась меня благодарить и оправдывалась тем, что пришла на день рождения подруги, а этот тип сам к ней пристал. Словом, вновь вжилась в тот же образ ангелоподобной овечки, в котором встречала меня в первый день, тем самым пытаясь усыпить мою бдительность. Я даже в какой-то момент повелся, когда она заявила, что клубы терпеть не может и толпы людей ее раздражают, но вовремя себя одернул. Дрожащие губы, перепуганные глаза, платье, задравшееся на коленях – все это уловки денежной аферистки, чтобы запудрить мне мозги. Хватит с меня одного идиотского эпизода в клубе.

– Здравствуйте, Сергей Георгиевич! – Володя поднимается с кресла и пожимает мне руку. – Выглядите...

– Володь, – морщусь от ненужных расшаркиваний. – Времени в обрез. Давай ближе к делу.

Тот понимающе кивает и подталкивает ко мне тонкую папку. Прошу подоспевшего официанта принести двойную

порцию эспрессо и открываю первую страницу. Живцова Юлия Владимировна, родилась 3 августа 1998 года в Рязанском роддоме номер один... Девяносто восьмой год... Почему-то мне казалось, что девочки, рожденные в девяностые, все еще возятся в песочнице и никак не способны вызвать эрекцию у мужчин моего возраста. Вот зачем я снова об этом досадном недоразумении вспомнил?

Роды естественные... подрезали уздечку в трехмесячном возрасте... Недовольно кошусь на Володю. Для чего мне эта информация? Была президентом школы, окончила выпускной класс с золотой медалью... Пока одни плюсы...

Листаю следующую страницу, пытаюсь зацепиться взглядом за что-то стоящее. Волонтер... капитан команды по волейболу... У нее там крылья на спине не режутся?

И тут... Бинго! «В возрасте семнадцати лет дважды привлекалась к административной ответственности...»

Перечитываю строчку еще раз и чувствую странный прилив удовлетворения оттого, что в очередной раз оказался прав насчет этой девчонки. А то ее послужной список отличницы меня с толку начал сбивать, и я на мгновение снова засомневался в правильности свои выводов. Зря.

– А почему не указано, за какое именно правонарушение она привлекалась? – пробегаюсь глазами до конца страницы и вопросительно поднимаю брови, глядя на Володю, нервно поглаживающего свою зеркальную лысину.

– Я говорил, мало времени, Сергей Георгиевич. К зав-

трашнему дню смогу пробить.

Я никогда не славился терпением, а потому решаю не дожидаться завтрашнего дня и прижать к стене лгунью прямо сегодня за ужином. Посмотрим, какие версии своего задержания она выдаст и как будет изворачиваться, чтобы защитить свою репутацию.

Володя клятвенно обещает предоставить более детальную информацию завтра в обед, после чего я расплачиваюсь и направляю Range Rover к ресторану «Парус», где во время скромного семейного сборища планирую сбить фальшивый нимб с головы лживой рязаночки.

Юля.

Когда Снежана Борисовна, которую я, по ее просьбе, скрипя зубами называю Снежкой, перестает фонтанировать в телефонную трубку навязчивыми предложениями того, как должна проходить наша с Димой свадьба, я откладываю мобильный и плетусь в гардеробную, чтобы подобрать что-то подходящее для семейного ужина. Я сильно волнуюсь. Ведь помимо будущей свекрови, которая, к счастью, настроена ко мне благосклонно, в ресторане будет мистер Олигарх, он же Сергей Бейтманович, он же Блестящий хук справа. У меня до сих пор из головы не идут воспоминания о вчерашнем вечере, когда Молотов-старший вступился за мою поруганную честь, и о том, как он в молчании вез меня домой, не обращая внимания на непрекращающиеся извинения. Я сдуру

даже предложила услуги медсестры для его разбитых олигархических костяшек, на что он процедил ледяное «Не надо» и ушел в свою комнату. Грубиян. Просто же помочь хотела.

Надо бы рассказать об этом случае Диме, но я все почему-то никак не могу решиться.

– Малыш, ты не видела мою белую рубашку? – доносится из спальни его рассеянный голос. Через секунду он заходит в гардеробную, одетый в серое спортивное трико, и, обняв, целует мою щеку.

– Вот она, – достаю вешалку, на которой висит белоснежный слим-фит от Армани. – Знала, что ты захочешь ее надеть, и отгладила. А вот в чем пойти мне, ума не приложу.

– Надень то черное от Дольче, которое я тебе подарил, – предлагает Дима.

Я бросаю скептический взгляд на скупой огрызок ткани в чехле, за который Дима вывалил баснословную сумму, и колеблюсь.

– Мне кажется, оно слишком открытое для семейного ужина

– Ты так ни разу его не надела, – произносит он обиженно. – Не нравится?

– Ну ты чего, Дим. Конечно, нравится, – заверяю его и, послав кокетливую улыбку, снимаю итальянское творение с вешалки. Протаскиваю тугой материал вдоль тела, убеждая себя, что делаю это лишь для того, чтобы убедиться в том,

что мне следует выбрать что-то попроще во избежание недомолвок со Снежаной, которая сама любит быть в центре внимания.

Но когда я застегиваю молнию и выхожу в спальню, чтобы посмотреться в зеркало, успевший лечь на кровать Дима встает и восхищенно присвистывает, а сама я, увидев свое отражение, понимаю, что снимать это платье не хочу и не буду. Потому что в нем я просто огнище. Спасибо вам за этот лук, милые итальянские геи. Придется Снежане Борисовне на один вечер потерпеть мою ослепительную молодость.

Сергей

Я прибываю в «Парус» на пятнадцать минут раньше условленного. Сказывается привычка деловых ужинов: терпеть не могу опаздывать и всегда даю себе время обдумать тактику предстоящей встречи.

– Стол на имя Молотовой Снежаны, – говорю встрепетавшейся девушке-администратору. Собственная фамилия в сочетании с именем бывшей жены режет слух, но Снежана наотрез отказалась с ней расставаться после развода. Если бы она решила завести себе визитные карточки, то в графе должность, скорее всего, значилось бы: «Экс-супруга Сергея Молотова», потому что это самое большое в ее сорокалетней жизни достижение, не считая рождения сына.

Я совсем не испытываю к бывшей неприязнь: скорее, отношусь к ней как к взбалмошной младшей сестре, которой ежемесячно выплачиваю приличную сумму в качестве содержания, хотя и не обязан – Дима уже давно совершеннолетний. Также я прекрасно знаю, что Снежана принимает факт моего спонсорства как само собой разумеющееся, параллельно жалуясь своим недалеким подругам на то, что нечаянное материнство загубило ее головокружительную карьеру. Она из года в год технично мне об этом напоминает,

ошибочно полагая, что именно внушенное чувство вины помогает ей сосать из меня деньги. Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что, если бы двадцать два года назад молодой Я не соблазнился на прелести провинциалки из Липецка, так бы и пахала Снежана по сей день где-нибудь в торговом центре Новогиреево продавцом-консультантом, потому что амбиций у нее сроду не было. Хотя с ней мы прожили недолго, но именно эта женщина сделала меня отцом, и потому для меня она навсегда останется семьей. А семью, как говорится, не выбирают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.